

Сергий Чернец

Рассказы и эссе

Сергий Чернец

Рассказы и эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688161

ISBN 9785448502682

Аннотация

В книжке рассказы перемежаются с простыми историями из жизни простых людей, с эссе-рассуждениями, чтобы читателю было над чем подумать. Люди живут просто, а по рассуждениям можно сделать большие выводы.

Содержание

Человек, рассуждения умных предков	5
Человек, в рассуждениях умных предков (продолжение)	10
Медицина. Диакон сломал руку	17
Записки: Ложь	22
Ложь во благо	27
Сказка о злой жене	27
История из жизни. Жуков стилизация	32
Больница	44
Сон это маленькая смерть	47
Вечность – бессмертие	57
Отцы и дети	60
Будущее наше	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Рассказы и эссе

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2017

ISBN 978-5-4485-0268-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек, рассуждения умных предков

Я никогда не видел человека, который бы стал долгожителем благодаря соблюдению запретов. К чему нам жить долго? Ответа на этот вопрос нет, потому что у каждого своя точка зрения.

Трудно найти человека, который бы действительно понимал тебя. Обычно люди судят лишь своими мерками, а мнения других, то, что есть и другие «мерки», просто не принимают в расчет.

Если человек хорош в чем-то, то в чем-то он и плох, это факт. Не к лицу, например, когда молодой и юный ведет себя через-чур серьезно, и наоборот, когда занимающий высокое положение пожилой предается шалостям.

Каждый устроен по-своему, и нет человека, который был бы законченным злодеем, (исключения единичные в истории только подтверждают правило); нет и таких, кто сочетал бы в себе все достоинства: красоту, сдержанность, ум, вкус и верность. Каждый хорош по-своему, и трудно сказать, кто же действительно лучше. Наверное, тот – в ком меньше злого.

Всегда следует говорить, взвешивая слова. Такое умение, однако, встречается редко. Но разве достойно человека дер-

жаться через-чур неприступно? Человек общественное животное, к счастью или к сожалению.

Счастье. В желаниях выражается сущность человека и всем счастья хочется. А оно зависит от нашего мнения о вещах мира окружающего, ибо в жизни человеческой всё так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя сказать наверняка.... А если знание порой и возможно (для кого-нибудь), то оно нередко отнимает радость жизни.

Большой (если не сказать «великий») проповедник Мартин Лютер отвечал на вопрос: в чем отличие человека от животных (?), таким образом:

Работа и честь проповедника состоит в том: 1 чтобы сделать из грешников настоящих святых (как Апостол Павел в своих посланиях называл всех христиан святыми – агиос), 2 из мертвых людей, «опустивших руки» – людей живых, делающих дело, 3 из проклятых – блаженных, из слуг дьявола – детей Божиих. —

Так и работа, и честь Светской власти (поставленной самими людьми над самими собой) состоит в том: 1 чтобы из диких зверей сделать людей и предохранять их от дикости; 2 власть – она сохраняет человеку тело его, не разрешает, чтобы его кто-нибудь повредил; 3 она сохраняет каждому жизнь; 3 она сохраняет каждому дом и двор и имущество. Так люди становятся – людьми.

Без власти, без ограничений мы будем лишь звери, со всеми последствиями, – и грабежи и убийства, вплоть до лю-

доедства будут при свободе, за которую некоторые радеют и о которой мечтают.

Примерно так мыслил «великий» проповедник.

Человек и впрямь похож на обезьяну: чем выше он залезает, тем больше он демонстрирует свою задницу. Пример, – чем популярнее артист (или политик), не на его дела обращают внимание люди, а начинают «копаться в нижнем белье» его, и смотреть на его приземленную жизнь, вплоть до того, что в его доме туалетный унитаз позолоченный! И сам «высоко забравшийся», – (не осознавая что-ли?) только свою заднюю часть жизни и улучшает, забывая про текущие дела, которые должен делать на этой высоте. —

Примерно таковое мнение оставил нам ученый монах Блез Паскаль, – он был математиком и физиком, но к концу жизни разочаровался в науках и ушел в монастырь.

В каждом человеке природа закладывает и полезные злаки, и сорную траву; пусть же человек своевременно поливает первое и старательно пропалывает поле своей души, истребляет второе.

Лучше во всю жизнь ни к кому не ходить на поклон и не ждать, что придут на поклон к вам, – всё нужно делать самому, – вот такой должна быть отрада, естественное состояние человека.

У человеческих характеров, как и у некоторых зданий, несколько фасадов, причем не все они приятны на вид, –

рассудил архитектор. \Вообще у людей искусства есть видение человеческих слабостей и возможностей.\ У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка, оттого и поступаем – безрассудно.

Человек не Ангел и не животное (это как два полюса) – и несчастье его в том, что чем больше он стремится уподобиться Ангелу, тем больше он превращается в животное.

Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками. Люди живут в таком полном непонимании суетности человеческой жизни, что приходят в полное недоумение, когда им говорят о бессмысленности погони за почестями. Ну, не поразительно ли это!

Людей учат чему угодно, только не порядочности в поведении, а между тем, более всего они стараются блеснуть порядочностью, а не ученостью своей, – то есть как раз тем, чему их никогда не обучали.

Люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает.

Человек – это тростинка, самое слабое в природе существо (на один градус повысится температура тела и уже очень плохо ему), – но тростинка эта мыслящая.

Будем же благодарны мудрости предков, как и говорит нам Блез Паскаль: Мы должны благодарить тех, которые ука-

зывают нам наши недостатки.

Что бы ни говорили, есть в человеке что-то необыкновенное – такое, чего никакие ученые не могут объяснить.

Человек, в рассуждениях умных предков (продолжение)

Найдется ли еще на свете существо,
Что ищет гибели для рода своего?
И только человек при случае удобном
Охотно нанесет ущерб себе подобным.

Сказал один французский поэт (1570 г)

Каждый из нас может сказать о себе – «Я – человек!». А все-таки, с точки зрения естественных наук и психологии, в том числе, человек – это биологический вид, без учета индивидуальных различий. Это как, например, в природе вид кошачьих: они все имеют одинаковое гибкое строение тела, одинаковые лапы с острыми когтями, острый слух и острое зрение. Несмотря на то, что кошачьи так отличаются, – есть огромные тигры и есть маленькие кошечки, есть пестрые и цветные и полосатые – они все – кошки.

И люди, как вид, объединяют и маленьких пигмеев и высоких худых нигерийцев, и с красным цветом кожи североамериканских индейцев и желтого оттенка китайцев, а также чернокожих африканцев.

Индивидуальность.

А кроме того, все люди разные и в психологическом

плане, – поэтому появилось более тонкое понятие индивидуальность. Под индивидуальностью понимается сочетание как генетически заложенных, так и приобретенных качеств человека: физиологических, психологических, социальных и других. Биологические особенности даются нам от природы, а то что мы воспитываем сами или под влиянием окружающих, уже называется личностью.

Личность – это человек как член общества. Личность определяет поведение и образ мыслей, обладает рядом устойчивых черт, имеющих значение для самого человека и для общества в котором он живет.

Своеобразие личности, а все они разные и нет одинаковых, заключается в неповторимости сочетания качеств. А к качествам личности относятся: 1. способности, которым человек научился (профессия),

2. темперамент, 3. характер, 4. волевые качества, 5. эмоции 6. мотивации, а также 7. идеалы (система ценностей), 8. отношение к окружающим и 9. самооценка. Это в основном.

Человек рождается уже с биологическими и психологическими особенностями. Они определяют, в некоторой степени, его дальнейшее развитие: одному с младенчества нравится музыка, за счет присутствия «абсолютного слуха», а другой слуха не имеет, но любит рисовать и рисует и рисует... так и становится художником.

Такие особенности называются задатками.

К задаткам относится и тип нервной системы и специфика строения сенсорных систем, психики и так далее. Например, особенности анатомического строения голосовых связок могут свидетельствовать о наличии музыкальных, «певческих» задатков.

А) Способности, человек приобретает в процессе развития своих задатков, а иногда вопреки им, но «вопреки» – трудно добиться совершенства. А если человек развивает в себе способности именно в том виде деятельности, к которому у него есть природная склонность (задатки), тогда он становится талантливым.

4) Талант – это определяется, как высокая степень развития способностей. Произведения талантливого человека отличаются новизной и становятся ценным вкладом в развитие общества.

5) Гениальность – это наивысшая степень развития способностей. Настоящие гении появляются редко, но их вклад в ту или иную область деятельности человека настолько огромен, что определяет развитие прогресса надолго вперед. Безусловными гениями считают, например, Леонардо да Винчи, Ломоносова, Пушкина.

Немалую роль в развитии способностей играют и волевые качества – это личностные свойства, влияющие на стремление человека к достижению поставленных целей.

В итоге получается таблица:

1. Человек – вид биологический. 2. Индивидуален. 3. Лич-

ность. 4.Задатки имеющий. 5.Способности развивает через воспитание и обучение. 6.Таланта достигает при помощи волевых качеств. 7. Гением становится, обладая сильнейшими качествами и волей!

Труднее всего человеку бывает справиться с досадой и гневом, с эмоциями. Человек известный своими дурными наклонностями, всегда будет на подозрении окружающих.

Не очень-то властен человек и над своим сердцем и не может по своей воле заставить себя любить или ненавидеть.

В то же время, человека благожелательного и искреннего можно узнать и по его глазам, по его взгляду.

Эмоции таятся в подсознании.

Существует в психологии «теория личностных черт». Сторонники этой теории выявляют ряд факторов, дающих представление о личности и исходя из полученных данных, исследователи стремятся классифицировать типы личностей, что позволяет полнее понять природу человека.

И есть знаменитая теория личности З. Фрейда, в которой личность образуют три составляющих: «Я» («Эго»), «Сверх-Я» («Супер-Эго»), и Подсознание («Ид»).

Первое – «Я» – это рациональная часть личности человека, которая придерживается принципов реальности.

Второе – «Супер-Я» – сознание, которое включает систему ценностей, нормы и правила поведения, культуру и мораль, сложившиеся в процессе воспитания и развития лич-

ности.

Третье – подсознание, и оно представляет собой врожденные влечения, стремление к удовольствию и разрядке. Это область «бессознательного», того, что не представлено в человеческом сознании. Неосознанные поступки, сновидения, описки и обмолвки, странности поведения – все это, по мнению Фрейда, результат действия подсознания.

Можно определить порядок: что «Ид», подсознание – это «хочу», желания человека; «Сверх-Я» – как «нельзя» или «надо»; а «Я» – как буфер между двумя крайностями – сознанием и подсознанием. И «Я» человека стремится удовлетворить влечениям подсознания, но при этом не нарушить нормы морали, контролируемые сознанием.

Каждый человек в отдельности смертен, в целом же человечество бессмертно.

Люди рождены друг для друга. Люди рождены, чтобы помогать друг другу, как рука помогает руке, нога ноге и верхняя челюсть – нижней.

Порядочный человек – прост во всем.

Потому что нет ничего более жалкого и, (одновременно) более великолепного, чем человек, – так еще древние греки говорили.

Стыдно признаться, но ведь из всех живых существ лишь один человек не знает, что для него полезно.

Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды – не может быть счастлив. Хочешь жить для

себя – живи и для других. Никогда счастье не ставило человека на такую высоту, чтобы он не нуждался в друге.

Всякий человек столь же хрупок, как все прочие: никто не уверен в своем завтрашнем дне. Всё просто – болезни могут скосить любого!

Даниель Дефо, написавший «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» много говорил о человеке, например:

Такова уж человеческая натура: мы никогда не видим своего положения в истинном свете, пока не изведем на опыте положения еще худшего, и никогда не ценим тех благ, какими обладаем, пока не лишимся их.

И еще: Человек – создание по меньшей мере недальновидное, особенно когда сам берется утверждать, что счастлив, или полагает, что может жить своим умом. Человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом.

Современная философия говорит о человеке с приземленной стороны, со стороны реальности:

У человека нет врожденного «стремления к прогрессу»; противоречивость его существования – вот что заставляет его продолжать свой путь прогресса, на который он вступил. Утратив «рай», это единство с природой, он стал вечным странником, как поняли это еще в древности – Одисей, Эдип, Авраам, Фауст, – это всё о странствии человека. Он вынужден идти вперед и вечно стараться сделать неизвестное известным, ответами заполняя пробелы в своем знании.

Человек в этом мире, среди тревог и неурядиц, должен развивать свой разум, чтобы понять себя, свое отношение к другим и свое место во Вселенной. Он должен развивать способность любви к другим, как и к себе, и почувствовать единство всех живых существ. Он должен обладать принципами и нормами, которые вели бы его к этой цели.

Человек может вступать в отношения с другими людьми по-разному: он может любить или ненавидеть, он может соперничать или сотрудничать; он может построить социальную систему, основанную на равенстве или авторитете, на свободе или насилии, но он должен так или иначе вступать в отношения, и форма этих отношений зависит от его характера.

Человек не свободен выбирать между тем, чтобы иметь, и между тем, чтобы не иметь «идеалы». Но он свободен выбирать между различными идеалами, – между 1.служением власти, разрушению или служением 2.разуму и любви, созиданию. Все люди «идеалисты», они стремятся к чему-то, выходящему за пределы физического удовлетворения. Различаются люди именно тем, в какие идеалы они верят.

Конец.

Медицина. Дьякон сломал руку

Его привезли в травмопункт на скорой помощи, а потом поместили в стационар поселковой больницы.

Районная больница в два этажа занимала старое здание, которое неоднократно ремонтировалось, но все равно требовало косметического ремонта: штукатурка на потолке и по стенам потрескалась, голубая краска, в до-половины окрашенных коридорах отваливалась и свисала большими кусками, двери в палаты просели, плохо закрывались и скрипели.

Больных принимал врач-терапевт, служивший в этой больнице давно. Он был из местных жителей и знал дьякона Кудряшова с самого своего детства. Мальчишки считали дьячка за «юродивого-дурачка», который любил говорить старинными словами цитируя богослужебные тексты из молитв церковных: на разные случаи у него была своя цитата. – «Избави, господи, от обольщения богомерзкаго и злохитрого антихриста, близыгрядущего...», – говорил он пугаясь проехавшего близко к нему трактора на большой скорости, а гонять любил молодой тракторист только что окончивший ПТУ. «Внидох в дом твой, воды на нозе Мои не дал Ми еси...» – если кто в чем либо отказывал ему. «Несть добро отъяти хлеба чадом и повреци псом...», но сказано – «ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей сво-

их...». И другие: «Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их».

Дьякона, с рукою в гипсе, предстояло выписать по его настойчивой просьбе, он провел в больнице неполных три дня. И врач уже написал необходимые бумаги, тем более никакого больничного выписывать было не нужно, потому что дьякон был пенсионер. Доктор, как его почтительно называли медсестры и уборщицы-кастелянши, приятно развалился в крутящемся кресле с мягкой спинкой. «Доктор» – это был толстый человек лет пятидесяти, в поношенной рубашке с протертым воротником и рукавами и с едва держащимися пуговицами, в истрепанных и также не глаженных брюках с обильными катышками выше колен.

В приемный кабинет вошел дьякон Кудряшов, это невысокий коренастый старик, в черной длинной рубашке косоворотке, препоясанной как веревкой плетеным поясом, так что рука с гипсом оказалась внутри спрятанной. Одежду ему принесли сразу в тот же день, когда его определили в палату. Старушки принесли и большой пакет, в котором было много бумажных пакетов и коробок с наклейками-подписями.

Бегающими бесцветными глазами, поблекшими от былой синевы так, что едва различались сами круги зрачков, дьякон Кудряшов искал икону по углам и, не найдя таковой, перекрестился на пузырьки, стоящие в стеклянном шкафу в правом углу кабинета. Потом он вынимает из голубоватого платочка просфору и с поклоном кладет её на стол перед док-

тором.

– А-а-а..., мое вам почтение, милейший! – улыбаясь, пытаясь подражать старине, говорит врач.

– Доброго здравия вам, Сергей Петрович! – диакон знал этого «доктора» и знал, что он бывал, посещал богослужения в восстановленном Храме, с недавних пор ставшем переполненным «верующими», против того, что раньше, когда и 10 человек на службе будут, и то было достижением, при «Советах».

– Извините. Истинно и правдиво в псалтыри сказано: «Питие мое с плачем растворях...». Не мог я принимать ваши таблетки, – ни боже мой, ни капельки, ни синь-порох, – хоть ложись да помирай, а не могу..., – сказал дьякон даже взмахнув рукой сжатой в кулаке в сторону.

– Вот и о том же я и хотел вам выговор сделать, как же и трех дней не продержались? И мы вам навстречу пошли. А что уж гипса, – то носить его вам надо еще две недели минимум, потом придете и снимем, – доктор взял бумаги подвинул к дьякону на подпись. – Подпишитесь. И что вас угораздило так на старости лет? – спросил доктор.

– Согрешихом и беззаконновахом..., – дьякон подписал бумаги. – Студными бо околях душу грехми и в лености житие мое иждих.... За грехи, Сергей Петрович, за грехи! А уж что до лечения – и травы, спаси боже мой, мне помогают более, нежели таблетки ваши были бы. Та и гипс, – вам лучше знать. На то вы и обучены, чтобы это дело понимать как

оно есть. Но с таблетками и химией несогласный я. К тому же пост: бога страшусь, прежде всего! – решительно отрубил дьякон.

– Предрассудок.... (Пауза) – Ну что ж и травы у нас применяются. Из трав сборы делаются и таблетки – наука целая – гомеопатия. А сборы травяные и в аптеках продают! Поэтому я бы вам точнее, по науке, выписал травяные сборы. – Сказал доктор подумав во время паузы. И тут случился спор доктора с дьяконом о науке.

– Какая ваша наука известно нам! И химия ваша нам известна. Как наши травники старые знают – то вы совсем не признаете. А свой мел, и химические вещества мешаете с травой и в виде таблеток в аптеке продаете. А того не ведаете, что обманом лечите: только внушение и реклама «наука установила», якобы, и верят вам, «науке», люди! А еще Господь сказал: по вере вашей дано будет вам. Однако случись что серьезнее, ваша обманка – «травы мы в таблетках запечатываем», – презрительно сквозь зубы выговорил дьякон и даже обидчиво – умирают люди! От трав ваших умирают. – Гляди-ко, где же боярошник ваш и та же валерианка в пузырьках, – а все у пьянчуг, – 75 градусов спирт в пузырьке, вот и пьют и травятся. Наука ваша – «ложь и провокация», сатанинская это наука, спаси Господи. —

– Вот и «учи ученого»! – присказкой сказал доктор, – Что за народ необразованный, от непонимания всё это твориться. Ту же валерьянку каплями пить надо, на полстакана воды

20 капель. Медицина – это не шутка, – доктор будто бы обиделся. Сколько лет он проработал в этой больнице и многих людей лечил и теперь, по словам этого «дьячка», – всё обман (?).

– Конечно, – будто согласился дьякон Кудряшов, но всё-таки был не согласен, а находился в возбужденном состоянии, и даже дышать стал неровно, приподнимая оба плеча враз. Казалось, по его напряжению и «надутости», что сейчас разразится он потоком ругани. Но это, оказывается, так проявлял силу воли дьякон, сдерживая свою злость или несогласие внутри себя.

– Но так-то оно так. И, прости Господи, есть идиоты в народе. Травы травами, – уметь надо. Это уж кому Бог разум ссудил, тот знает и в травах толк.

Дьякон взял со стола бумажку и ушел «восвояси».

Конец.

Записки: Ложь

Есть два вида лжи: 1. Ложь на деле. – Которая относится к прошлому. И 2. Ложь в помысле, касающаяся будущего.

Первый вид лжи бывает, когда отрицают сделанное или утверждают, что сделали то, чего не сделано, и вообще, когда заведомо говорят против истинных фактов.

Второй вид лжи бывает, когда обещают, не думая сдерживать обещание, когда высказывают намерение, противное тому, что есть в действительности.

Некоторые люди лишены дара видеть правду. Но зато какой искренностью дышит их ложь!

Ложь о человеке и ложь самого человека открывает тому, кто умеет слушать, не меньше чем правда, а иногда даже больше.

Наказанием лжеца оказывается не то, что ему никто больше не верит, а то, что он сам никому больше не может верить.

Мир наш питается крупичками истины и большим количеством лжи.

1. Ложь на деле редка.

Кто чувствует нужду в чужой помощи, кто не перестает испытывать на себе расположение друзей и близких, – тому нет никакого интереса обманывать их. Наоборот, он находит очевидную выгоду в том, чтобы его близкие и друзья видели

вещи в истинном свете из опасения, чтобы обман их не послужил ему во вред.

Но «ложь на деле» вызывается законом и правилами. Всякий ограничительный закон вызывает необходимость лгать. Ибо всякое послушание тяжело, поэтому и – всякий, как можно более тайно, уклоняется от запретов закона, а близкая выгода избежать наказания берет верх над отдаленной выгодой сопряженной с изложением истины.

2. «Ложь в помыслах» – обещаниях, как раз и свойственна законодательным властям. Закон обещает сделать мир лучше, – по сути, обещает невозможные вещи: «лев будет пастись на полях вместе с овцами и козами».

Еще больше лжи творят все чиновники и все начальники, от самых больших до самых маленьких. Как то, например, что обещают директора строительных фирм построить стадион через год, а обстоятельства нипочем не учитываются (лишь бы тренд получить, деньги), в результате всё превращается в «долгострой».

Любой кандидат – обещает быть честным депутатом, мэром – видим, в результате – воровство!

Принимая обязательства, – люди и сами не сознают что делают, так как их ограниченный взор не может простираться дальше «настоящего» времени. Эти кандидаты на должности, кандидаты во власть, думают только о том, чтобы пройти во власть, поэтому берут всяческие неисполнимые обязательства, не ведущие к незамедлительному действию.

Обещают на будущее.

Своими обещаниями на будущее, на самом деле они не обещают ничего; воображение человека не умеет распространить его на две сферы времени: настоящее и будущее. Например, – один из «властных» обещал первым лечь на рельсы головой под поезд, если не исполнит своих обязательств... – прошло время, а обязательства не только не исполнились, а стало еще хуже, чем было, и голова «властного» должна была бы лежать на рельсах. Ан, нет. К тому времени, у этого «властного» так укрепилась власть, что он армию служителей посылал на усмирение забастовок и протестов!

И такая ложь стала расхожим явлением: когда человек нарушает свои обещания!

3. Это новый вид лжи – «ложь обратно действующая». Ибо он очень хорошо помнит свои обещания, но не видит большой важности в том, выполнено оно или нет.

Не будучи в состоянии читать «книгу будущего», человек не может предвидеть и последствий факта, и, когда нарушает свои обязательства, он поступает сообразно со своим недалеким разумом. Во всем мире засилье лжи, «весь мир во грехе лежит» – говорит святое Писание и оно право.

Поверхностные люди всегда должны лгать, так как они лишены внутреннего содержания своего ума. Им не найти объяснения сути, вдруг возникшего вопроса, поэтому, говоря что-либо всегда ссылаются на других, – якобы другие это

сказали и знают.

Мы очень мало знаем и плохо учимся: поэтому и должны лгать.

А ложь – это воплощение зла, как считал Виктор Гюго.

Унижает человека именно ложь – разоблаченная.

Тля ест траву, ржа поедает железо, а ложь – душу разъедает. Так написал нам классик литературы Чехов, и он же охарактеризовал ложь: «ложь как тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая».

Детей не отпугнешь суровостью, они не переносят только лжи, говорил и другой классик Лев Толстой.

О лжи высказался и Достоевский нелюбезно: «Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, он входит в неуважение и к себе, и к другим. Лгут только одни негодяи», – заключает Достоевский.

А потому: не надо и в шутку лгать и льстить. (Говори правду всегда). Пусть думает о тебе всякий, что ему угодно, а ты будь тем, что ты есть, – имеем мы наставление от мудрых.

Наше слово отражает мысль: непонятное слово – непонятна и мысль.

Ложь не так легка, как кажется. Кто привык лгать, тому всегда за собой надо носить большой короб памяти, чтобы одну и ту же ложь не переиначить.

Самая опасная ложь еще и в том – что истины слегка

извращаются и преподносятся с ложью. Вот тут опасность, что людям верится в расхожее и банальное, а приправу лжи не всякий отличит. Но если выразить ложную мысль в простоте и ясности, – она сама себя опровергнет.

Все люди рождаются искренними, без лжи пока они дети, – а умирают все лжецами, так много налгавшими за свою жизнь.

Всё зло от лжи. Истина не злится на критику, она от неё только выигрывает, а ложь боится всякой критики, и потому воюет и уничтожает «правдолюбков».

Если ложь на краткий срок и может быть полезна человеку, то с течением времени она неизбежно оказывается вредна. Напротив того, правда с течением времени оказывается полезной, хотя быть может, что в данный момент, она принесет вред.

Что такое ложь (?) – дают нам определение мудрецы:

- 1) лгать самому себе, для своей выгоды – это подделка;
- 2) лгать для выгоды другого – подлог;
- 3) лгать для того, чтобы повредить людям – клевета, и это худший вид лжи.

Мы потому клеймим ложь таким большим позором, что из всех дурных пороков – этот порок человек легче всего скрывает и проще всего совершает. И потому еще, что ложь и коварство – это прибежище глупцов и трусов: во всем согласен лгать из-за страха человек.

Тот кто лжет однажды, не отдает себе отчета в трудности

своей задачи, ибо ему предстоит еще двадцать раз солгать, чтобы поддержать первую свою ложь.

У лжи есть постоянная спутница, прикидывающаяся хорошей, – хитрость. На самом деле хитрость показывает только недостаток разума человека: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямыми путями, она пытается их добиться плутовскими окольными путями, применяя ложь; и беда её заключается в том, что хитрость помогает только один раз, а потом всегда будет мешать. Не надо путать хитрость со смекалкой, когда ум смекалистый находит новые пути решения жизненных задач. Хитрецы обманом идут к своим целям.

И наконец. «Ничто так не прекрасно для глаз, как прекрасна правда для ума, (приводящая в большой восторг человека, чем то же созерцание живописной картины); и ничто так не безобразно и непримиримо с разумом, как ложь и обман» – как сказал английский философ Джон Локк.

Ложь во благо

– Это сказка. По поговорке народной: сказка ложь... да в ней урок.

Сказка о злой жене

– Батюшка, жениться хочу; матушка, жениться хочу! – го-

ворил добрый молодец.

– Ну, и женись дитятко! —

И женился он. А выбрал себе жену из соседнего села, — черную лицом длинную ногами и косую взглядом. Так уж понравилась она, на сатану похожая, что была ему лучше ясного сокола в небе, как птица походкою шла и рокотала по-соколиному речью своей, соблазняла. И пенять не на кого, сам виноват, что влюбился в такую! Стал жить с нею и кулаком слезы утирать.

Пошел он раз на сходку, где судят да рядят, постоял да послушал и домой возвратился.

– Что ты шлялся, — спросила косая баба, — что там слышал на сходке? —

– Да вот, говорят: новый царь настал, новый указ наслал, — чтобы жены мужьями повелевали. —

Он же думал пошутить, а она всё на ус намотала и за дело взялась.

– Ступай, — говорит, — на речку рубахи мыть, да возьми веник — хату подмети, да сядь к люльке — дитя качать, да щи и кашу свари, и пироги замеси! —

Мужик хотел было возразить и молвить: «Что, мол, ты, баба! Мужичье ли это дело?», — но как взглянул на неё, — чернее тучи взгляд. Его и холодом облило, и язык к горлу прилип. Поташил белье на реку, замесил пироги, хату подмел и вычистил, — но ничем не угодил....

Прошел год и другой, наскучило доброму молодцу в хому-

те ходить, да что тут поделаешь: женился – на век заложился! А век тот, может, надолго продлиться и терпения не хватит. С горя выгадал он выгадку. Была в лесу яма глубокая, дна не видать, до самого Ада. Взял он – и заклал её сверху палочками, затрусил соломкою; приходит к злой жене и ска-
зывает:

– Ты не знаешь, жена, что в лесу есть клад – и звенит, и гремит там ручей, золотой песок рассыпает, а в руки не да-
ется. Я подошел уже к нему, нос к носу стоял, дак, мне не дался – посылай, говорит, жену! —

– Ну, пойдем, пойдем! Я возьму, а тебе шиш, не дам! —

Пошли они в лес. Предупреждает мужик:

– Тише иди баба! Тут земля провальная, отсюда клад вы-
ходит! —

А та услышала ручей журчащий под землею и всё ей ни-
почем.

– Ах ты дурень мужик! Всего то ты боишься. Вот я-то сей-
час как прыгну в овраг! —

Прыгнула она на солому и провалилась в глубокую яму.

– Ну, ступай себе в Ад! – молвил муж. – Я теперь отдохну.

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно ему стало без
косой жены своей. Выйдет в лес или выйдет в поле, к реч-
ке ли пойдет – всё об ней думает: «Может, стала она и тиха
и смирна; дай-ка я выну её опять из ямы!».

Смастерил он короб большой, опустил под землю на длин-
ной веревке. Слышит, чувствует, что сел кто-то. Тянет вверх,

вот и близко уже..., глядит, а в коробе чертенок сидит! Мужик испугался, чуть веревку из рук не выпустил. Взмолился к нему чертенок, закричал ему громко:

– Вынь меня мужичок! Твоя жена всех чертей замучила, загоняла. Что хочешь тебе сотворю, стану тебе служить. Вот могу хоть сейчас в боярские хоромы зайти, мигом там беспорядок наведу, буду днем и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажешься знахарем великим, приди и закричи на меня – я выскочу и уйду на другое место. Ну, а ты гребь деньги лопатой за исцеление бояр. —

Мужик вытащил короб, чертенок выпрыгнул и убежал – поминай как звали!

В тот же день в боярском доме всё пошло наизворот. Стали искать они знахарей и шаманов, – никто не смог беса выгнать. Добрый молодец вызвался мастером, выгнал черта и получил плату хорошую.

Скоро слух пронесся, что у самого князя во дворце, в тереме большом и высоком, завелись домовые и не дают княжнам ни сна ни покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей-шаманов. Со всех окрестных царств собрали, но нет проку ни от кого: домовые всё стучат и гремят.

Пришел под конец и наш «мастер-знахарь», узнал знакомого чертенка и стал его прогонять. А чертенку понравилось в княжеских хорах жить, ни за что не уходит.

– Погоди ж, когда так! – закричал мужик. – позову я сей-

час косую бабу сюда! —

Тут чертенок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон.

«Мастеру» честь, «мастеру» слава, мужик деньги гребет. Но недаром говорят, что и в самом Раю тошно жить одному! Сгрустнулось доброму молодцу, и пошел опять свою косую жену в яме искать. Навязал короб веревками и опустил в яму ту глубокую: баба села в короб, он потащил её кверху. Баба вверх поднимается, а сама уже ругается так, что зубом скрипит да кулаками грозит, махается. Со страху затряслись у мужика руки, сорвался короб — и загремела баба по-прежнему в Ад к чертям.

Конец.

История из жизни. Жуков стилизация

На реке и кое-где около заросших лесом крутых берегов поднимался туман. Эти невысокие издалека клочья тумана, густые и белые, как молоко, бродили над рекой, заслоняя прибрежные деревья и кусты. Эти клочья тумана и над лугом, по которому шла грунтовая наезженная дорога, каждую минуту меняли свой вид. И казалось, что одни фигуры из тумана обнимали друг друга, другие кланялись, пригибаемые легким ветерком, дующим по направлению течения реки, третьи поднимали к небу свои руки с широкими поповскими рукавами, как будто молились....

Вскоре, Сергей Петрович погрузился в это облако белого тумана, как только вошел по дороге в лесок и начал пока плавно спускаться к журчащему роднику; именно к нему и вела грунтовая дорога. К роднику ездили на машинах и местные и приезжие набрать воды, – говорят, вода в роднике лечебная, содержащая кальций, магний и другие минералы.

Спуск к берегу по крутым, кем-то прокопанным ступеням, начинался в нескольких шагах, не доходя до родника. Сергей Петрович спускался, держась за ветки небольших деревьев и кустов, между которыми вилась зигзагами спускающаяся тропа.

На довольно широком пляже, усыпанном камешками из-

вестняковыми и галькой, как будто щебенкой, омываемом волнами реки, он остановился. В метре под облаком тумана виделась гладь реки, – удивительно спокойная ранним утром текущая вода несла на поверхности мусор, который легкими бурунами закручивался около встречной коряги, лежащей поперек течения.

Тут же сразу у родника рыбачить Сергей Петрович не стал. Он прошел по щебёнке пляжа вниз по течению метров триста, к дереву, свисающему над водой ветками с размытого берега, за который еще цеплялось корнями.

Но за деревом уже сидел какой-то рыбак. Он взмахнул удилищем, закинул снасть и поставил удочку на рогульки, воткнутые в щебенистый берег.

Подойдя поближе и узнав одного из местных жителей, Сергей Петрович улыбнулся, он был обрадован неожиданной встрече. Дело в том, что местные рыбаки вообще не рыбачили с берега. Они всегда на лодках становились на якоря вдалеке от берега или уезжали на другую пологую сторону реки, где между островов и песчаного дна рыбы было непременно больше, из-за донной растительности, которая была на мелководье в обилии.

Для лодок был создан огороженный кооператив «Речник», в котором были небольшие железные гаражи для моторов, под охраной на берегу. Дорога по деревне, стоящей на крутом склоне высокого берега реки и вела к этим гаражам. А родник, у которого решил и рыбачил Сергей Петро-

вич, в паре километров был выше по течению. Вода из родника смывала в мутную воду реки жучков-паучков, а кроме того приносила свежую струю чистой водички, и рыба сюда подходила, как подумал Сергей Петрович уже в первый же день, когда приехал отдохнуть в деревне. Лодки у него, естественно, не было, а с местными жителями он имел только «шапочное» знакомство, чтобы попросить у кого-нибудь лодку. Он знал многих и его многие знали, помнили старожилы маленького мальчика, который приезжал к бабушке из города на летние каникулы.

– Рад приветствовать местных рыбаков! – поделился своим настроением Сергей Петрович. – Что ж так-то, с берега, не на лодке? – спросил он у местного мужичка-рыбачка.

– А... Это ты? Из Жуковых, приехал который? – вопросом на вопрос ответил мужичек.

Да я, – Сергей Петрович меня зовут – преподаватель я, профессор в институте в (городе) N, – сразу для знакомства сказал Сергей Петрович.

– Ну, а я – Иван Кузьмич, – колхозник бывший – пенсионер. Будем знакомы, из Приваловых я, – сообщил о себе мужичок-рыбачек протягивая руку для пожатия.

Новый знакомый, виденный ранее Сергеем Петровичем в середине деревни мимоходом, выглядел довольно молодо, на вид не скажешь, что пенсионер. Он был невысокий, чуть пониже Сергея Петровича, рост которого под метр восемьдесят, но физически крепко сложенный телесно, не толстый,

а будто бы накаченный, круглолицый. Сам Сергей Петрович, против Ивана Кузьмича – был сухощавый, с осунувшимся лицом и впалыми плоскими щеками. И его скорее можно было принять за старика-пенсионера. Но местные его знали, знали его бабушку и, вероятно, и деда, которого сам Сергей Петрович не помнил.

– Ну, что ж, и тут рыба есть... – Сергей Петрович не спеша сел на ближайший бугорок земли и достал сигареты. – Вот тут, под деревом ямка и есть, а еще ветки-палки нападали на дно, вероятно, – пояснил он закуривая.

– Я будто-то твое место занял... – извинительно обратился к нему Иван Кузьмич, на ты, как к младшему по возрасту и запросто как к своему, деревенскому.

И это понравилось Сергею Петровичу, – «признают своим», – подумалось.

– Ничего. Вон их сколько – указал он на наклоненные над рекой деревья, махнув в сторону вниз по течению реки. – Я пройду пониже и там ямку найду... —

Рыбачек-мужичек, Иван Кузьмич тоже закурил – клева не было.

– Удачи! – сказал Сергей Петрович, бросив окурок и затоптав его носком резинового сапога, и пошел искать место для рыбалки. Через некоторое время он уже сидел на берегу, и удочка была закинута.

Летнее утро. Светло было уже в три часа, а в четвертом ча-

су было бы светло как днем, если бы не густой туман, сквозь который Сергей Петрович не видел даже противоположного берега реки. Да и смотреть было особенно некогда, потому что начался утренний клев и надо было рыбачить: а это значит, всякий раз через минуту, вытаскивать рыбку, снова насаживать червячка и забрасывать поплавков снасти подальше от берега, а для этого он даже в воду заходил, для того и одел высокие резиновые сапоги.

Туман всё выше поднимался и исчезал на фоне голубого неба, а с первыми лучами солнца, багрянец зари и розовый цвет восточного горизонта приобрел яркую голубую окраску, и с появлением самого краешка яркого солнечного круга, природа вокруг вся преобразилась и ожила.

(Жалко, что рыбаки этого не замечали, у них, кроме ершей и мелкого окуня клевали и подъязки и крупная красноперая сорожка (плотва) попадались даже подлещики, видимо рыба подошла к родниковым водам).

Затренькали в прибрежном лесу птички и зазвучали в траве кузнечики, ящерка, прошуршав в прошлогодней листве, выбралась на пригорок погреться, а гудящие рои комарья почему-то куда-то исчезли, видимо испугавшись солнечных лучей. (Помогал утром рыбакам спастись от комаров репеллент).

А с оживлением природы, в связи с выходом на небосклон солнечного круга, ожила и река. Ветерок будто бы сильнее подул или река стала течь быстрее, – на воде появилась рябь

и небольшая волна мешающая наблюдать за поплавком и видеть поклевку рыбы.

Вскоре, прошла по реке первая утренняя баржа, груженная ровными оранжевыми кучками то ли щебня толи гранитной крошки, почти беззвучная, только уханье едва доносилось с середины реки, ровно в такт работали двигатели: «Ух-так, ух-так, ух-так!». Время можно было проверять по первой барже, это заметил Сергей Петрович еще когда первые разы выходил на берег реки. Ровно в 7 часов, как проходила первая баржа, и через несколько минут (3 или 4) после этого на берег обрушивались волны одна за другой. Поплавок рыболовной снасти качался на волнах, поднимался на гребень волны и падал в яму, а от этого и насадка на крючке – то ложилась на дно, то резко подпрыгивала, – тем самым отпугивая только рыбу, и о рыбалке уже не могло быть речи. Только-только большие волны от первой баржи улеглись, как прошла большая моторная лодка-катер, с рыбаками быть может; а за ней снизу по реке уже шел какой-то речной корабль.

Таким образом, рыбалка заканчивалась, ловить на волнах было невозможно. Сергей Петрович быстро собрался и пошел по берегу к спуску. Однако рыбацек-мужичек, Иван Кузьмич, сидел на берегу, видимо у него тоже не клевало. Удочка была закинута очень по-хитрому: установленная на рогульках удилище кончиком было выше волны на сантиметров 20, а поплавков на леске установлен был недалеко

от кончика, леска внатяжку уходила в волны реки., – так что колебания воды никак не отражались на поплавке и на леске.

Сергей Петрович, как заправский рыбак знал о таком способе ловли рыбы и, кивнув на удочки, спросил Ивана Кузьмича:

– Скользящее грузило поставил? —

– Да. Вот волна поднялась.... А я так только пришел, отдохнуть от тяжестей мира. Молодежь меня только расстраивает. Дети приехали из города, так пусть помогают там со внуками бабушке в огороде: копают, сажают и прочее, – проговорил Иван Кузьмич.

– Да уж, – молодежь нынче подарок. Новое поколение приходит, – начал рассказывать Сергей Петрович присев и достав сигарету. – Я вот преподаю уже более двадцати лет и замечаю, что измельчала молодежь, в смысле умственном и духовном. Всяческие идеалы отсутствуют, нынче стало хуже.

– Конечно. Претерпело изменение всё воспитание. В школьной программе изменения. А потом и в институты неграмотные идут к вам. Ну-ну, и что же с молодыми у вас? – спросил Иван Кузьмич присев на положенный на берег кусок бревна, (он себе место для рыбалки оборудовал – мелькнуло в мыслях Сергея Петровича), и приготовился слушать.

– Если бы меня спросили, что мне не нравится в теперешних студентах, то я отвечу на это не сразу и не без оптимизма. Есть некоторые отдельные студенты, которые совсем

не так плохи. Недостатки их я знаю, и мне поэтому не надо прибегать к таким «туманным общим фразам», типа: и такие они и сякие. Нет.

Мне не нравится, что они курят, употребляют спиртные напитки, хотя есть движение – «за здоровый образ жизни», однако основная масса остается в далеке от него. Потому что спортивные и всякие фитнес-клубы все платные, а у бедного студента, как всегда, нет денег.

Как сказал мне однажды пожилой завхоз и сторож наш, который всю жизнь в нашем институте проработал: «нынешние студенты не лучше и не хуже, чем раньше. Это он в отношении житейских бытовых недостатков. А мне видно чуть побольше: и новый у них язык появился, сленг поменялся. Но они плохо знают простые истины науки, которые им в школе должны были дать – и по физике и математике и по другим. А языки иностранные, как и раньше, – в школе учили-учили, а знают от силы 5—10 слов на немецком или английском.

– Помню и свои годы, – сказал Иван Кузьмич, – я тоже учил немецкий и вообще не знал ничего. А по наукам, тоже, – эти формулы по той же химии не каждому давались. А математика вообще: логарифмы были для меня загадкой. Но вот сыновья мои выучились – в люди пошли. Один по строительству, чуть не прорабом Строительный техникум окончил. А другой, помоложе, теперь уже зам-директора фирмы, – тоже по стройке, только институт в вашем же

(городе) N.

– Наука, слава богу, еще живёт. Но тоже кризис во всем. . . , – что-то хотел было сказать Жуков Сергей Петрович, но его перебил Иван Кузьмич, – клюнула рыба и со словами: «стой, стой!», он дернулся к удилищу и схватил его за комель рукой. Не сразу, а постояв пару секунд в согнутом положении и держа удочку одной рукой, Иван Кузьмич дождался быстрых рывков поплавок на натянутой леске, – и только тогда резко поднялся и поднял удилище, сняв его с рогулек, тем самым совершил «подсечку».

В глубине реки, видимо, металась крупная рыба, попавшая на крючок, это видно было по леске, которая то в одну то в другую сторону отклонялась и по согнувшемуся удилищу, вершинка которого изогнута была в дугу и то и дело дергалась от рывков рыбы. Вываживание, сам процесс адреналиновый, для рыбака был главным. И этот процесс продлился довольно долго, – минут пять, если не больше, топтался на берегу Иван Кузьмич. . . . Но вскоре рыба сдалась и притянута была к мелководью и вытащена на берег. Это оказался довольно большой и красивый с красными нижними перьями плавников – язь!

– Ого! Здоровенный! – Обрадованно воскликнул Сергей Петрович. – На сколько потянет? —

– Да, килограмма три может быть! – тоже радостно и даже тяжело и быстро дыша от волнения, улыбнулся в ответ Иван Кузьмич.

– Да уж! – Сергей Петрович уже захотел тоже порыбачить. – И мне на своё место пойти бы надо. Я ж прикормил там. —

– Конечно. Еще до обеда – сколько времени, еще утро совсем. Поставь скользящее грузило, – есть у тебя? – поддержал его желание и спросил Иван Кузьмич.

– Есть-есть, – заторопился Сергей Петрович. Он снова одел свой рюкзак, снятый было с плеч, взял удочку и торопливо, чуть не побежав, направился к своему месту рыбалки.

Рыбалка продолжалась до самого обеда. Но когда солнце поднялось до своего пика на небосклоне и светило сквозь редкие белые облака, которые иногда закрывали его на минутку – наступила летняя жара и клев рыбы стих совсем.

Достаточно нарыбачившись, Сергей Петрович свернул все свои снасти, вытащил из воды, укрепленный на палке садок с рыбой, упаковал его в целлофановый пакет, собрал свой рюкзак и тронулся идти домой. Он дошел до Ивана Кузьмича, который сидел на своем месте и перед ним был расстелен кусок материи, на котором стоял термос и лежали продукты: огурцы, помидоры, лук зеленый, хлеб и другие. Он обедал.

– Привет. А я вот не взял ничего! – сказал Сергей Петрович, подойдя к Ивану Кузьмичу, – приятного аппетита! Ты, как вроде, не собираешься куда? —

– Да уж. Дождусь вечернего клева. Какой день вот вырвался на рыбалку, в тишине посидеть... – сказал Иван Кузьмич.

– Хорошо! А мне бы домой надо, есть там работка: и трава выросла на участке заброшенном, кое-где и забор покосился.... Ремонт и в доме требуется, – поделился своим Сергей Петрович.

– Конечно. Дом тот пустой стоял уж несколько лет, после смерти Ивановны, бабушки твоей. Все в деревне её уважали. Она травница была и всем помогала.... Все заметили, как ты приехал: и калитку покосившуюся отремонтировал и забор уличный подновил. Тебе бы покрасить передок дома, чтобы не казался таким брошенным старым, – посоветовал Иван Кузьмич.

Сергей Петрович потихоньку пошел вдоль берега в сторону ручья, впадающего в большую реку от родника на крутом склоне. Он задумался о своей бабушке – не был тут лет 10, до самой её смерти. А её, оказывается, «вся деревня уважала» – по словам Ивана Кузьмича. Он подумал, что не зазря висели в сенях многочисленные пучки травы засохшей. Возможно их много и на чердаке, – не зря в сенях такая лестница на чердак построена: с широкими ступенями и «только место занимает» – тогда подумал он, когда только что приехал. Каждый раз лестницу надо было обходить: нижний конец лесенки в сенях стоял на пути – от дверей с улицы в сени до дверей в дом. «Вот оно в чем дело!» – а он сжег травы, которые и в прихожей висели черными пучками по стенам, рассыпая мусор на пол.

Сергей Петрович начал подниматься вверх в другом ме-

сте. — Он прошел дальше от тех ступенек, по которым спустился и увидел уже сам ручей, который журчал по камням широкой полосой, метра в три в своем русле. В этом месте верхний слой почвы лежащей на известняковом каменном склоне был очень тонким, во время весеннего половодья землю смывало. Камни поросли только мохом и мелким кустарником, мох зелеными пятнами скрывал бело-серые камни берега.

Подъем был крут, градусов под 60, и кустики волчьих ягод и тоненькие березки слабо держались корнями между камнями. Всего этого Сергей Петрович не учел. А поэтому случился несчастный случай: он влез до половины или больше на крутой склон, когда поскользнулся на мху, вырвавшемуся из под ноги, а деревце, за которое он схватился рукой, легко оторвалось от камней — и он полетел вниз навзничь, головой он ударился об острые углы торчащих камней и потерял сознание. Он слетел вниз, к самой реке, едва не коснулся воды головой. Сколько времени он так пролежал он не помнил. А очнулся уже окончательно у себя дома.

Он вспоминал, отрывочно, как сквозь туман, что его лицо сбрызгивал водой туманный силуэт лица Ивана Кузьмича, потом его трясло — это когда его поднимали на склон и несли в деревню какие-то люди.

Иван Кузьмич слышал шум его падения, хотя находился довольно далеко. Когда он нашел Сергея Петровича у ручья на берегу, он позвонил местным мужикам в деревню.

Прибежавшие мужики вытащили Сергея Петровича и перенесли в дом, в деревню. Вызвали скорую помощь, и так он узнал, что весь переломан: обнаружилось, что поврежден и позвоночник и трещина на голове на черепе. Его увезли в больницу не сразу, врачи долго совещались по телефону, прежде чем решились его перевозить с наложенными шинами: привязанными досками, изготовленными тут же мужиками. Сергей Петрович попал в операционную и там потерял сознание уже от наркоза.

Больница

За окном потемнело, скоро ночь.

Жуков Сергей Петрович, недавно прооперированный и только что освобожденный санитаркой от капельницы, которую она унесла со штативом с пустым пузырьком, — поднялся на кровати и говорит вполголоса:

— Слышь, Пал Ваныч? Мне всё сон такой снится: что плывем мы, много людей, на длинной лодке по широкой нашей реке, берегов не видно, туман вокруг, как будто мы в океане, — а из воды показывается спина большой рыбы, как кит, но типа осетра с шипами и чешуей по всей спине, и под нашу лодку. Днище проламывается, лодка ломается пополам, все люди в воде барахтаются.... И я просыпаюсь весь мокрый от пота: и рубашка мокрая и лицо и голова. —

Человек, к которому он обращается и которого называ-

ет «Пал Ваныч», по его же словам-представлению, молчит, как будто не слышит. Он лежит на противоположной кровати у окна с другой стороны узкой длинной палаты-реанимации на четыре койки, две другие койки у дверей пустые. В палате они вдвоем.

Пал Ваныч тоже перенес операцию на черепе, ему вставили пластину, и теперь его голова полностью забинтована: ушей нет, щек не видно, и лицо выглядывает узкой полоской среди бинтов, как медсестры в перевязочной постарались. У него и позвоночник сломан был в нескольких местах, так что и грудь его была забинтована полностью, дышать ему немного трудно.

Опять в палате наступает тишина.... И до этого Сергей Петрович говорил почти один, Пал Ваныч односложно отвечал на вопросы, хотя вчера было наоборот.

За окнами районной больницы в два этажа, растут деревья. Они не только затеняют свет с улицы в палату, но стучат ветками по окнам и внешнему железному подоконнику и это раздражает Жукова.

– Ветер, как с цепи сорвался... – говорит Сергей Петрович, прислушиваясь к шуму веток.

На этот раз Пал Ваныч сдержанно, с трудом откашлялся раза три и отвечал даже чуть раздраженно:

– То у тебя лодка на рыбу наехала, то «ветер с цепи сорвался».... Ветер собака, что ли, на цепи в будке сидеть, чтоб с цепи срываться? —

– Так это ж народная поговорка, так народ крещёный говорит, – оправдался Сергей Петрович.

– И народ, особенно крещёный, невежды и фантазёры как ты... Мало ли чего они не говорят? Надо уже свою голову иметь на плечах, и рассуждать пора уже. А все фантазии давно пора выкинуть из головы: еще бы в кикимор да водяных и леших верили! – раздражался сосед.

Пал Ваныч сильно болел, ему трудно было переносить боли, от одной капельницы и укола обезболивающего до другой. И когда действие укола совсем ослабевает, он обыкновенно сердится и приходит в раздражение от малейшего пустяка. Пока новая порция лекарства не начнет свое действие, минут через 10 или 15, его трогать не следовало.

А сердиться, по мнению Сергея Петровича не на что. «Что странного, например, – думал он, – в этой огромной рыбе, про которую он рассказал или в том же ветре, что «срывается с цепи». Рыба огромная – это вообще сон был, а потому река и снилась, что болезнь потом выходила. А про ветры – это же красивый образ старины: так думали еще первобытные люди, – что там, где кончается земля, на краю земли стоят большие каменные собачьи будки и ветры там прикованы большими цепями.... Если они сорвутся с цепей, то и мечутся ветры по всему миру, как угорелые и рвут и рычат, как собаки!

Решив не затрагивать разговором соседа, Сергей Петрович сам попал под воздействие успокаивающих лекарств, ко-

которые получил через капельницу, и незаметно раздумья его перешли в сон: он видел бабушкину деревню, вдалеке широкую ленту реки....

Сон это маленькая смерть

Сон для науки, до сих пор, – одно из загадочных состояний человека. Во сне, как считается, – сознание отключается, но человек продолжает мыслить, хотя его мышление меняется и подчиняется другим законам. Личность («Я» человека, по Фрейду) – начинает взаимодействовать с подсознанием («Оно» – по тому же Фрейду), тогда как сознание («Сверх Я») ослабевает во время сна.

Подсознание приходит со всеми подавленными желаниями и влечениями, в зашифрованной символической форме проявляющей себя в сновидениях. Человеку снятся смешанные, почти фантастические сны и иногда кажется, что сны реальнее реальности, так отчетливо бывает их ощущение. Сон как другая реальность, в этом случае, ибо для реальности человек почти отключен и тело его не двигается. А во снах он может переноситься куда угодно – в родную деревню бабушки из своего прошлого, как переносился во сне и Сергей Петрович.

А что же такое смерть? Ответ на этот вопрос ищут не только биологи и богословы, но и философы и физики, художники и поэты, и каждый человек в отдельности для себя. По-

нять смерть невозможно, человек может только сформировать общие представления о ней.

Так как наш Сергей Петрович, преподавал классическую физику, то он знал, что с точки зрения физики – смерть обусловлена стремлением материи прийти в равновесие с окружающей средой. Материя желает приблизиться к хаотическому свободному состоянию, рассредоточиться в пространстве. То есть смерть – это хаос и разрушение.

Вообще, любой организм, с точки зрения физики, – это сложная упорядоченная структура, вопреки физическим законам стремящаяся поддерживать свою упорядоченность с помощью энергетической подпитки извне, при помощи обмена веществ, происходящее в клетках. Но срок жизни клеток не бесконечен, существует предел их деления и изношенности. При каждом следующем делении в новых клетках накапливаются отклонения, приводящие к подавлению жизненных функций. Таким образом, клетки во всем организме стареют и умирают. Когда умирают клетки, обмен веществ прекращается – живой организм лишается подпитки энергией и материя приходит в равновесие с окружающей средой. Этот процесс – сравнивается с кипением чайника, пока горит огонь. Когда гаснет огонь, кипяток остывает до температуры окружающей среды – приходит в равновесие с ней.

И с точки зрения биологии – смерть это полное прекращение жизненных процессов организма. Когда вследствие болезни, травмы или старости жизненно важные органы (серд-

це, легкие, печень, почки и мозг) перестают функционировать, наступает смерть. Часто смерть связывают с остановкой сердца – прекращается кровообращение, – клетки лишаются кислорода и погибают. Первыми начинают погибать клетки мозга; клетки корней волос и ногтей продолжают жить еще многие часы после смерти.

С развитием медицины остановка сердца и прекращение дыхания перестают считаться окончательной смертью. Необратимая (соматическая) смерть наступает в результате гибели всех клеток мозга. А в клинической смерти человек может продержаться от трех до десяти минут.

Сначала в туманной дымке обозначался круг света, который падал из окна; потом Сергей Петрович мало-помалу начинал различать предметы и своего соседа по койке, Пал Ваныча. Он возвращался из своих снов, будто из другого реального мира, погружаясь из мира «сновидения» в больничный мир. Было утро. Изначально приносили штативы с капельницами, потом бывал завтрак – его тоже приносили, слава богу, что кормили не с рук. Кровати у обоих пациентов регулировались, и половина, с головы, поднималась, так что пациенты могли брать с тумбочек тарелки и ложки. Пал Ваныч просил не опускать кровать и дремал после капельниц сидя, так ему было легче дышать, в лежачем положении он задыхался и кашлял.

Лицо его выглядывающее между бинтов было серое, нос стал длинным и острым, глаза, от того что он страшно исхудал, казались громадными. Глядя на лицо нельзя было понять возраста, хотя он был моложе Сергея Петровича на много – более десяти лет. А и сам Сергей Петрович выглядел, наверное, не лучше.

Был обход. Уже в который раз, из дремоты Сергей Петрович слышал отдельные слова врача. А в один из дней пришли сразу трое: «отбиты органы», «возможно надо интенсивную терапию применить», «в общем и целом», – слышал Сергей Петрович о своем соседе. Это был консилиум. Пал Ванычу поставили укол, обезболивающий, по его настойчивой просьбе.

А к нему, к Жукову, врачи не подошли.

Заметив, что Жуков глядит на него, Пал Ваныч, приободрившийся после укола, поворачивается к нему лицом и говорит:

– Я начинаю догадываться.... Да.... Я уже всё понял. —

– Что ты понял? – заинтересованно переспросил Сергей Петрович.

– А вот что.... Есть видимо приказ про вас – пенсионеров, чтобы вас лечить по минимуму. Ты не замечаешь, что ко мне больше внимания уделяют врачи – вот и еще одну операцию назначают. А ты все спишь и спишь, доктора лечат пенсионеров, чтобы только отвязаться – выживешь-не выживешь. Ты всё время во сне и в забывчивости находишься..., бре-

дишь и не замечаешь.

Сергей Петрович был предпенсионного возраста – 59 лет, действительно. Но какое отношение это имело к лечению? Он не понимал Пал Ваныча; думая, что ему делают выговор, за то что он пропускал обходы, обеды и ужины, находясь в своей реальности сна, и он говорит в свое оправдание:

– Я засыпаю, потому что устаю, сил нет, почему-то, утомляюсь быстро. —

– Возмутительно. Потому что мне-то со стороны видно. Главное, отлично ведь знают они – что вы самостоятельно не перенесете..., под старость все заживает дольше, и кости срастаются еле-еле и так далее. Ладно, я – я молодой, – говорил Пал Ваныч, раздухарясь, хотя он сам выглядел старше Жукова.

Из разговора врача, о себе – Сергей Петрович знал, что у него «тряхнулись» внутренности, от того что он летел с высокого склона ударяясь об каменный берег. Наверное почки отбил, позвоночник вот тоже..., да и голова у него побаливала. Пока он делал какие-то выводы, он снова уносился куда-то в другой, свой мир, где было лето, кони на лугах, тогда у бабушки в деревне, в колхозе была конюшня. Его научили местные парни кататься на лошади, с уздечкою, но без седла, упираясь коленями на круп.

А что: вот он в институт поступил сам. Потом в аспирантуру и писал кандидатскую, из лаборатории не вылезал. Потом провал кандидатской, и его, еще по-доброму, оставили

преподавать начальные знания, почти по школьной программе.

Людям снятся сны. Человеку необходим отдых от ежедневных забот. Отдых во сне – это не только сам сон, но это и перемена деятельности. Если долго заниматься чем-то одним, непременно наступит усталость. Мысль, обогащенная тем, что хранится в подсознании, порой дарит нам во сне решения сложных задач. Известный пример – Менделеев, который увидел периодическую таблицу химических элементов во сне. Можно сказать, что сны упорядочивают наше сознание. Во сне человек начинает «разбирать» свой «чердак», и во сне борется с проблемами.

Жуков боролся во сне со своими болезнями: ему снилось, что вот он катается на лошади и падает и больно бьется головой об землю, болят бока, болят все внутренности, но он встает и вновь лезет на лошадь....

Во сне человек выбрасывает со своего «чердака» всё ненужное. После такой «уборки» могут «найтись» завалявшиеся нужные вещи, необходимые для верных решений.

Так, вспомнил Жуков, что бабушка его поила ароматным чаем из трав, которые висели по всему дому, а затем она убирала их по холщевым мешочкам.

Бывают и вещие сны, иногда сон предсказывает событие, которое вскоре случается. В этом случае мышление, анализируя события, о которых человек думал днем, по-новому их

структурирует и выдает наиболее вероятный исход.

И Жуков видел Пал Ваныча....

Прошло, наверное, два дня. Пал Ваныч уже не сидел, а больше лежал; глаза у него закрыты, и нос как будто стал острее на худом лице.

– Пал Ваныч! – окликнул его Сергей Петрович испуганно. – Вам плохо? —

– С чего ты взял... – сказал через трудный выдох Пал Ваныч. – Ничего. Вот операция прошла, но еще боль не утихла.

«Когда его забирали на операцию?» – думает Сергей Петрович, – ах да, – вспоминает он вчерашний день, что он не выходил из сна, а только слышал санитаров, перекладывающих Пал Ваныча на носилки с колесами.

– Ну, и слава богу, – говорит Сергей Петрович.

– Жалко мне вас, как сравню себя с вами. Ученый, физик, материю и кванты, там, изучал, а туда же – Бога вспоминаешь. Это к концу когда идет человек, то вот он надежду последнюю, Бога..., за Него цепляется, – теперь уж упреком звучали его слова.

И дальше он снова говорил о религии, этой темы они в разговорах не касались совсем.

Это был откровенный монолог Пал Ваныча, который обвинял все религии скопом во всех грехах, против которых они говорили людям бороться. Сергей Петрович слушал, да поддакивал.

После разговора время проходит в тишине и молчании.

Сергей Петрович снова погружается в сон-забытие, бредит о чем-то непонятном, бормоча и издавая несогласованные звуки.

Проходит час, и другой и третий; наступает ночь, но он этого уже не видит – он в другом мире своем живет своей другой жизнью.

Сквозь забытие он слышал, что в палату кто-то вошел, раздавались голоса, но проходит пара минут, и все смолкает. Даже глаза Сергей Петрович не открывал. И только с наступлением тишины «услышав» настороженность, он понемногу очнулся и позвал санитарку, нажав кнопку вызова на стене.

– Что с ним? Операция? – спросил Сергей Петрович у вбежавшей санитарки.

– Помер. Сейчас в морг унесли – наскоро ответила она, – Как у вас? Все хорошо? Может вам надо чего? —

– Да. Воды бы поближе... – попросил он.

– Санитарка налила полный стакан и поставила на край подвинутой тумбочки. Сергей Петрович отпил половину и поставил стакан на место.

Санитарка хотела было сразу убежать, но почему-то задержалась. Она снова наполнила стакан водой и присела на край кровати к нему:

– И вы, больной, не жилец на этом свете, – вполголоса сказала она.

– А это что доктор сказал? – спросил её Сергей Петрович.

– Есть, конечно, и врачебные установки: обычно назнача-

ют антибиотики и другие лекарства, а вам только обезболивающие и снотворные даем. Но еще и не в этом дело, по вам видно.... Человек, который скоро помрет, его сразу видно. Вы мало едите, исхудали совсем – глядеть страшно. Я говорю не для того, чтобы вас тревожить, а к тому, – может, вы хотите передать что-нибудь кому-нибудь. – Объяснила спокойным голосом медсестра. Она была так спокойна, потому что в реанимации работала третий год и на этих умирающих насмотрелась и привыкла к ним.

– Да я уже всем написал.... Так что помру, и все уже знаю, что и как. Так что расстраиваться немногие будут.

После этого разговора Сергею Петровичу становится немного жутко, и его начинает гложить какое-то желание. Он снова пьет воду – проверяя – нет не то; он смотрит в окно, где ему видны ветви дерева – опять не то; он старается подумать снова о своей «бабушкиной» деревне – и всё не то.... Наконец ему становится душно и трудно дышать. Через волнения, от переживаний о своей участи, он теряет сознание, отключается. А приходит в сознание во «сне», в своей новой, обретенной реальности, в которой он жил большую часть времени, находясь в районной больнице. И тут видится ему жаркое знойное лето, и он на берегу большой огромной реки, когда другой берег едва виден, в руках у него удочка бамбуковая двухколенная, которая была у него в детстве, и которою он гордился перед деревенскими мальчишками. Они все ловят рыбу, и он поймал первый, и рыбка болтается на леске перед

его лицом, разбрызгивая капельки воды, в которых отражается яркое солнце, они, капельки как алмазы слепят своим блеском... – и Жуков Сергей Петрович уже не проснулся, оставшись в своем мире всем своим сознанием.

Его заметили часа через два, заглянула в палату та же санитарка и ахнула, не услышав дыхания больного. Потом привезли носилки на ножках, погрузили туда Жукова и увезли в морг, где уже лежал Пал Ваныч, еще не взятый родственниками.

Конец.

Вечность – бессмертие

Ничего нельзя любить, кроме вечности – сказал один из мудрых философов, – и нельзя любить никакой другой любовью, кроме любви вечной. Если нет вечности – то и ничего нет. Мгновение бывает полноценно, лишь если оно приобщено к вечности....

Чувство бессмертия – это прирожденное чувство человека, иначе, как бы жили с такой беспечностью до невозможности и так безумно жестоко по отношению к себе, да и к окружающим.

Скорее всего, на свете есть два рода людей: 1. для людей гениальных – бессмертие в каждом мгновении жизни, 2. а для обыкновенных людей – тоже самое видится в долготе дней.

Но мудрецы, под конец жизни только понимают, что смерть страшна только со стороны, когда мы переживаем за близких людей, но для себя самого, для человека – смерти нет, и сам человек в себе уверен, – и как родился он бессмертным, так и уходит от нас.

Но вот вопрос: как может возникнуть идея бессмертия, если все люди смертны? А всё дело в том, что бессмертие не идея, некое самочувствие жизни человека.

Бессмертие состоит в работе над чем-нибудь вечным, а вечно всё (!), потому что мы строим и делаем для людей,

для человечества, для новых поколений, которые идут за нами, подрастают. И с этим согласен был Лев Толстой: «бессмертие, разумеется, неполное, осуществляется, несомненно, в потомстве».

Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, (которая никогда не кончится), это её окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания человечества, – вторил классику и другой классик – Достоевский.

А жизнь, так тесно связанная с вечностью и бессмертием? Она охарактеризована была давно-давно, в «Упанишадах». Упанишады являются комментариями к текстам древних «Вед» – священных книг, древнеиндийских философских трактатов.

Жизнь понималась как дыхание: «Жизнь – дыхание, ибо пока в теле пребывает дыхание, до той поры пребывает жизнь. Живет лишенный речи, зрения, слуха, живет безумный, безрукий и безногий, но воистину никто не живет без дыхания».

Словно отблеск луны на воде,
Непрочна жизнь смертных.

Ценность человека познается после его смерти.

Спрашивал мудрец Конфуций: «Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем, что такое жизнь?».

В жизни все вещи отличаются друг от друга, а в смерти

все одинаковые. При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие; в смерти же одинаковы тем, что все смердят и разлагаются, гниют и исчезают... — как заметили древние умники.

Жизнь это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут.

Кто-то из умных выставил «приговор» жизни (Блез Паскаль): «Вообразите, что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах (у всех) остальных, и те понимают, что им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди.

И еще: не стоит плакать из-за того, что мы не будем жить сто лет спустя — это столь же безумно, как плакать из-за того, что мы не жили 100 лет назад.

Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и благо и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её. Все зависит от человека.

Подобно тому, как хорошо прожитый день приносит счастливый сон, так и хорошо прожитая жизнь влечет за собой счастливую смерть.

Конец.

Отцы и дети

Это звенья семьи, звенья рода, связанные между собой глубокими интимными отношениями, которые обычно люди прячут от посторонних глаз. Тут нужно учитывать такие неуловимые нюансы, как психологическая несовместимость или наследственность; и такие вещественные и грубые, как порки-наказания, попреки куском хлеба, власть родительского авторитета. Тут вырастает конфликт не в каком-то ограниченном смысле; – тут речь идет о конфликтном состоянии, вырваться из которого человек не может.

И конфликт отцов и детей неизбежен.

Есть четкая грань, разделяющая отцов и детей. Эта грань – время.

Люди разных возрастов живут, в сущности, в разных потоках времени. Понятие «сегодня» не однозначно: для «маленьких» молодых людей – «сегодня» это будущее, у них еще нет опыта, нет затянувшихся душевных ран, неизбежно возникающих с возрастом, пока человек обтесывается об острые углы жизни.

Наоборот, для зрелого человека «сегодня» – это память о прошлом, нелегкий опыт страдания, терпения, примирения с остротой жизни или полного слияния с ней. Бывают так сильно втянуты, что не знают остановки, пока организм сам не остановится от износа.

Диалектика времени состоит в парадоксе: рождаясь на свет, человек попадает в «прошлое». В квартиру отцов, где старая мебель, ковер с пятном на стене, устоявшийся быт, старые связи матерей с соседями, школа старая, где учат тому же самому, чему учили и деда и бабушку, и отца и мать. Учат дисциплине, чтению и письму на старинном языке предков с немногими новыми иностранными словами. Потом город, построенный в «далеком», для молодого человека прошлом. И так всякий раз.

Поколения людей – это как потоки времени – они движутся параллельно и не с одинаковой скоростью. И это встречные потоки. Поэтому между ними неизбежно возникают противоречия, психологические вихри; и люди втянутые этими вихрями в конфликт, сталкиваются в отчаянных ссорах, в страшных мистериях домашних скандалов. Они не могут уяснить для себя, как поступить, кому сочувствовать: кто страдает больше всего, кто меньше? – одному богу известно!

Прошлое наше вынашивает, нянчит наше настоящее, – все мы выходцы из прошлого наших отцов! Прошлое дает настоящему свою веру, свои привычки, свой способ жизни; оно навязывает своих идолов и свои догмы – словом это прошлое формирует будущее по своему образу и подобию.

Как тогда трудно, по капле выдавливать из себя этого «раба прошлого». Ну, что ж, – молодости без конфликта не выйти вперед, не продвинуться в прогрессе.

Конец.

Будущее наше

Лишь немногие люди живут сегодняшним днем, большинство лишь готовится жить когда-то потом, позднее: вот сделаю это, например, окончу институт, поступлю на престижную работу, заработаю денег, еще один проект продвину, а там уже и жить некогда....

Другое дело, ожидание будущего блаженства и страх будущих мучений, – очень мешает людям думать о том, чтобы стать счастливыми здесь и сейчас, на земле – все религии пугают человека и все только обещают.

Есть такие заблуждения, которые нельзя опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму человека такие знания, которые его просветят. Тогда, от знания истины, заблуждения исчезнут сами собой.

Настоящий мир – это лучший из миров, – вот что надо сообщить людям. В нашем настоящем скрыто будущее.

По мудрости древних – будущее должно быть заложено в настоящем. Это называется планом. Надо строить планы. Без плана ничего в мире не может быть сделано хорошо. Так плотник, строя дом, заранее строит план в своем воображении (он видит в уме, как положит одно бревно на другое и как соединит их), а потом нарисует его на бумаге и, следуя плану, построит хороший дом.

Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее,

но и прошлого нельзя забывать. Мы вопрошаем и изучаем прошлое для того, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о планах на наше будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.